

телей в оцепенение, почти испуг. Этот стиль, в высшей степени устный, вокальный, ударный, страшно ритмованный барабанный бой мог бы разочаровать тех, кто читает эти стихи только глазами. Он был наделен в высшей степени тем, что Флобер называл «горлопанством».

Примерно пятнадцать лет назад молодой подмастерье Маяковский с грохотом ворвался в литературный круг. Тамбурмажор, уличный разносчик, зазывала новорожденного футуризма, он, конечно, искал рекламы с помощью скандала, и ему удалось сделать сенсацию. Футуристическая доктрина, которая была на Западе протестом юных, пришедших слишком поздно в слишком старый мир, бурной реакцией на гипертифированную культуру, приняла в России парадоксальный оборот. Отрицать прошлое в стране без традиций, бороться против поверхностной цивилизации на непрочном фундаменте, подниматься против чрезмерной утонченности нации, большинством которой оставалось неграмотно, это было немислимо.

Подобные приступы вандализма, призывы к «разрушению эстетики», демонстрация превосходства «пары башмаков над Шекспиром», проводимая с искренним фанатизмом, — не были в России чем-то новым. Это были привычные аргументы критиков — гражданственников, радикалов, материалистов и утилитаристов. <...> Публикация «Облака» венчает своими пламенными гиперболами и сомнительными метаниями героический, если можно так сказать, период футуризма в русском варианте.

Объявление войны вызвало у Маяковского приступ патриотической ярости. Он стал в ряды этих «соловьев над грудой трупов», которых Дмитрий Мережковский имел тогда смелость сурово порицать⁵. «Мы протрем наши шашки, — кричал человек в желтой кофте, — о панталоны венских кокоток»⁶. В эти самые дни руководитель конкурирующей группы эго-футуристов, Игорь Северянин, игривый поэт «ананасов в шампанском», бросил вражеской империи следующее: «Германия, не забывайся!»⁷. Но все футуристы, начиная с Маринетти, разве не воинственны? Маяковский, впрочем, не воплотил свою доктрину на практике. Вскоре он был принят пораженческой группой Горького. Он восславил в стихотворной хронике февральское восстание и победу народа⁸, которую он предсказал и призвал в своей знаменитой поэме. Он ошибся лишь в дате, провозглашая, что «главой голодных орд в терновом венце революций грядет шестнадцатый год»⁹. Это пророческое видение дало самый большой кредит гражданской доблести поэта, который на следующий день после октябрьской революции примкнул без сомнений, но не без оговорки, к новому режиму. На государственный переворот футуристы ответили ударом кулака, не менее дерзким. Они требовали в качестве цены за свое присоединение к революции официального признания их методов государством. Вначале этот авантюристический авангард крепко взял под узды искусство. Позднее появилась оппозиция ему, в частности среди рабочих¹⁰. Сам Маяковский закрепили и хорошо держался, постепенно адаптируясь ко всем взглядам правительства. Он преодолел, не потеряв своего привилегированного положения, все фазы коммунистической диктатуры: террор, гражданскую войну, НЭП, восстановление. Его медовый месяц с большевизмом был отмечен несколькими лихими сочинениями: марши, прокламации, ежедневные приказы по армии искусств. Устные фанфары, инструментованные для большого оркестра, веки, отменяющие шаги масс, марширующие в будущее; эти отрывки характерны своим динамизмом, который граничит с грандиозностью. Театральная пьеса «Мистерия-буфф», образец пролетарской морали, поставленная Мейерхольдом, напротив, пережила провал, который остался в моей памяти совершенно четко и вот почему.

Живя в Петрограде, я дал оценку этой пустой пьесе в том, что касается идей и силы их воплощения. Тут же я оказался мишенью доноса, написанного по всей форме и подписанного одиннадцатью комиссарами от искусства, за то, что, как буржуазный критик, «саботировал работу Советского правительства»¹¹. К счастью для меня, вышеупомянутые Совету не были весьма взволнованы моим преступным оскорблением их величества. Со своей стороны, озадаченный автор пьесы смешал с грязью в прессе самого министра за то, что он не поставил не подвергаемый сомнению авторитет правительства на службу его успеху¹². Тем не менее Маяковскому никогда не везло в театре, его талант

был по сути лирическим и ораторским. Провал его самой поздней пьесы¹³, сатирической картины нравов, возможно, ускорил его фатальную кончину.

Прекрасные остатки его буйного вдохновения еще можно найти в «150 миллионах», разновидности героико-комической эпопеи, революционного представления, где можно видеть огромную толпу мужиков, захватывающих Чикаго марионетки Вильсона. Но чем дальше он шел, тем более он придерживался мнения правящей партии, все больше сползание его таланта проявлялось и усиливалось — вплоть до падения в штопор в последние годы. Рассказывает ли он с невеселым юмором о терзаниях старой крестьянки в лагере генерала Врангеля, перекладывает ли на стихи речи на публичном собрании против иноземных империалистов, призывая китайцев поддержать его; исправляет ли, смеясь, нравы бюрократов, взяточников, фразеров; укладывает ли один за другим всех своих собратьев и конкурентов, советских поэтов, — везде заметны паралич его дара, тщетность, которая делает безрезультатными все совершаемые им действия. Он имел удовольствие усилить свой голос, тот остался без ответа. Была ли в этом поэтическая справедливость? Ибо мы присутствуем при возмездии поэту, предавшему свое призвание и пораженному бессилием. Бунтарь, дерзкий боготворец занялся рифмованием плакатов и рекламных щитов («Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!» — ...Спрячь облигации, чтоб крепки они. Облигации этой удержу нет, лежит и дорожает 5 лет»¹⁴. Чем не максима общественной морали: «Надо голос подымать за чистоплотность отношений наших и любовных дел»¹⁵. Горький, приглашенный приехать в Россию, показался строптивым, официальный Маяковский поднимает свой трубный голос: «Я знаю — Вас ценит и власть, и партия, Вам дали б все — от любви до квартир»¹⁶.

Не было ли это вершиной унижения, до которого может дойти дух? Постепенно пустота образовывалась вокруг него, пустота образовывалась в нем самом. Некоторые редкие порывы свидетельствуют о его отчаянии. Он жалуется тогда в странном ослеплении, что литература, литература других, «продается с молотка». Ничто отныне не могло остановить развязки.

(«Les Nouvelles Litteraires», Париж, 1930, 31 мая).

С французского.
Перевод Степана СОЛОМЕННИКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду статья Д. Бедного «Чудо-вишно. Непонятно» («Правда», 1930, 15 апреля).

² О версии гибели Маяковского см. в новейшем расследовании журналиста В. Скортянина: «Журналист», 1989, № 9; 1990, №№ 1, 2, 5; 1992, № 5/6; 1993, №№ 1, 2.

³ Из предсмертного письма «Всем» от 12 апреля 1930 года.

⁴ Об обстоятельствах получения визы на выезд А. Блока за границу см.: Дикушина Н. «Как решалась судьба поэта». «Литературная газ.», 1990, № 48, 28 ноября.

⁵ Против идеологии футуризма Д. Мережковский развернуто высказался в статье «Еще шаг грядущего хама» («Русское слово», М., 1914, 29 июня), не раз заявлял об этом и в публицистике военных лет.

⁶ Точная цитата: «Постойте, шашки о шелк кокоток вытрем, вытрем в бульварах Вены!» («Война объявлена», 1914).

⁷ В августе — сентябре 1914 года Игорь Северянин опубликовал в газетах несколько декларативных ура-патриотических стихотворений, которые он не решился включить в свои последующие книги.

⁸ «Революция. Поэтохроника» (1917, апрель).

⁹ «Облако в штанах» (1915), ч. 2.

¹⁰ Сначала «Пролеткульт» (с 1917 г.), затем различные группировки, с 1920 г. объединившиеся во Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП, с 1925 г. — РАПП).

¹¹ Имеется в виду «Заявление по поводу «Мистерии-буфф», подписанное группой художников и критиков «левого» направления, в то время возглавлявших Отдел образательных искусств Наркомпроса, среди которых — Д. Штеренберг, Н. Пунин, О. Брик, И. Школьник и др. (газ. «Жизнь искусства», 1918, № 19, 21 ноября).

¹² См. «Открытое письмо народному комиссару по просвещению тов. Луначарскому» (газ. «Петроградская правда», 1918, № 254, 21 ноября; то же: Владимир Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 14—15).

¹³ «Баня» (1929).

¹⁴ Рекламное стихотворение «Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!» (1926).

¹⁵ Из стихотворения «Любовь» (1926).

¹⁶ Стихотворение «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926).

В «Литературных Новостях» от 31 мая была напечатана статья под заголовком «Поэзия в Советской России», направленная против поэта Маяковского.

Не желая указывать на те досадные ошибки, которые эта статья содержит, подписавшие эти строки — вне зависимости от их политических убеждений — объединились в протесте против оскорбления памяти великого русского поэта.

Нижеподписавшихся удивляет, что одна из больших французских литературных газет сочла возможным напечатать пасквиль, который для его автора был только поводом, чтобы излить свою злобу русского эмигранта.

«Будучи убежденным сторонником свободы дискуссии, я могу только просить вас опубликовать заявление, которое вы мне переслали. Правда, меня несколько удивило число лиц, настолько осведомленных о фактах, относящихся к Маяковскому, что они могут авторитетно заявлять о моих «досадных ошибках» и судить о моих интимных мотивах.

К моему крайнему сожалению, я не могу ничего изменить в моей статье. Что касается русских, подписавших это письмо, — большевиков или сочувствующих, — но предпочитающих, как и я, жить в Париже, то я должен им заметить, что моя мнимая «эмигрантская злоба» странным образом ослабляется широким гостеприимством, какое оказывает изгнанникам Франция, страна свободная, где охранена независимость писателя — его высшее достояние. Опираясь на свидетельство читателей «Литературных Новостей», я могу напомнить,

Вокруг Маяковского

Б. К. Зайцев — И. А. Бунину
24 июня 1930 года

«Caro maestro e amico здесь устраивается протест против письма в «Nouv. Litt.» группы советских писателей и художников о Левинсоне (они объявили его за справедливую статью о Маяковском). Наш ответ и выражение сочувствия А. Я. будет помещен так же. Текст написан мною, редактируется окончательно Ходасевичем. Тот спо-

Поскольку мы опубликовали протест, направленный нам по поводу статьи нашего сотрудника А. Левинсона о Маяковском, мы так же беспристрастно даем сегодня контрпротест, присланный нам большой группой русских писателей.

Господин редактор.
В недавнем номере «Литературных Новостей» вы опубликовали письмо, исходящее от группы литераторов и художников, по поводу статьи г-на Левинсона о Маяковском. Это письмо содержало в себе выражение крайнего возмущения г-ном Левинсоном, который оскорбил «великого русского поэта».

Мы, нижеподписавшиеся русские писатели, убедительно просим вас поместить в газете по этому поводу следующие:

Статья о Маяковском, напечатанная в «Литературных Новостях», принадлежит перу высокоуважаемого критика, весьма сведущего в русской литературе. Написанная известным писателем и появившаяся в такой газете, как ваша, статья не содержит ни малейшего оскорбления.

Какими бы ни были возможные нюансы относительно приятия поэтического таланта Маяковского, мы, русские писатели, лучше информированные о сегодняшнем положении нашей литературы, утверждаем, что Маяковский никогда не был великим русским поэтом, но только сочинителем официальных стихов, находящихся на службе

Неординарность и неоднозначность личности и творчества Владимира Маяковского неоспоримы, хотя многое о нем еще не сказано.

Публикуя материалы, вызванные к жизни в среде русской пост-революционной эмигра-

(Всего 108 подписей, из русских: Ю. АН-НЕНКОВ, Н. АЛЬТМАН, Шалом АШ, П. ЭРЕНБУРГ, С. ФОТИНСКИЙ, Н. ГОНЧАРОВА, Р. ЯХНИНА, Л. КОЗИНЦЕВА, М. ЛАРИОНОВ, М. МАТВЕЕВ, Е. МАКОВСКАЯ, В. ПОЗНЕР, О. САВИЧ, О. ПАДКИН, П. ЗДАНЕВИЧ, Г. ПИТОВЕВ, Л. ПИТОВЕВА, К. ТЕРЕШКОВИЧ; из французских авторов: Р. ДЕСНОС, Ф. ЛЕЖЕ, П. ЛЕВИ, Ж. ЛИПШИЦ, А. МАТЬРО, А. МУССИНАК, П. ПИКАССО, Ж. ПРЕВЕР, Э. ТРИОЛЕ, Т. ТЗАРА и др.).

(«Les Nouvelles Litteraires», 1930, 14 июня. Перевод с франц. — из газеты «За свободу», Варшава, 1930, 20 июня)

что многократно я их знакомил и давал возможность оценить — с этой достойной трибуны — таланты так называемых советских писателей, проживающих в России, хорошо понимая, какой отпечаток накладывает на их творчество, а иногда на их характеры, уничтожение советским режимом всякой свободы мысли и слова.

Не принадлежа ни к какой политической партии, я считаю, что стремление к истине, человеческой и литературной, является моим правом и моим долгом писателя. И даже попытки нападения, вроде той, какая недавно произошла на моей квартире в результате статьи о Маяковском, не останавливают меня.

Андрей ЛЕВИНСОН
(«Les Nouvelles Litteraires», 1930, 14 июня. Перевод с франц. — из газеты «За свободу», Варшава, 1930, 20 июня).

копный. Будь добр, дай твою подпись (Мережковский, Куприн и др. уже дали) — а также Галины Ник. (Кузнецовой. — Л. С.) и Зурова — будущ и молодые. Очень обяжешь. Если не пожелаете 3 — 4 франков лишних, то дай телеграмму. Очень спешим (текст взялся писать Айданов, но уехал, ничего не сделав. Пусть и он не возражает — французам собирать уже некогда). <...>».

(«Новый журнал», Нью-Йорк, 1981, № 143).

у коммунистической партии и правительства СССР.

Мы выражаем нашу глубокую симпатию г-ну Левинсону, который стал объектом несправедливой критики в газетах и остается жертвой грубых махинаций со стороны одного французского писателя*. Мы желаем г-ну Левинсону успешно продолжать его деятельность, полезную, сколь и просветительскую.

Г-н редактор, примите выражение самых искренних чувств к вам.

Г. АДАМОВИЧ, М. АДАНОВ, Н. БЕРБЕРОВА, граф П. БОБРИНСКИЙ, русский академик И. БУНИН, З. ГИППИУС, В. ХОДАСЕВИЧ, проф. В. КАРТАШОВ, проф. Н. КУЛЬМАН, А. КУПРИН, Г. КУЗНЕЦОВА, И. ЛУКАШ, С. МАКОВСКИЙ, Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, К. МОУЛЬСКИЙ, П. МАМАТОВ, Г. ПЕСКОВ, Г. РАЕВСКИЙ, Н. РОШИН, В. СИРИН, Ю. ТЕРАПИАН, Н. ТЭФФИН, В. ФОХТ, В. ВЕЙДЛЕ, Б. ЗАЙЦЕВ, В. ЗЛОБИН, Л. ЗУРОВ

(«Les Nouvelles Litteraires», 1930, 12 июня)

С французского.
Перевод С. СОЛОМЕННИКОВА

* Луи Арагон.

ОТ РЕДАКЦИИ

ци трагической смерти поэта, мы преследуем одну цель — на стол нынешних исследователей должны лечь и эти публикуемые впервые на русском языке тексты. Они — неотъемлемая часть науки о Владимире Маяковском.